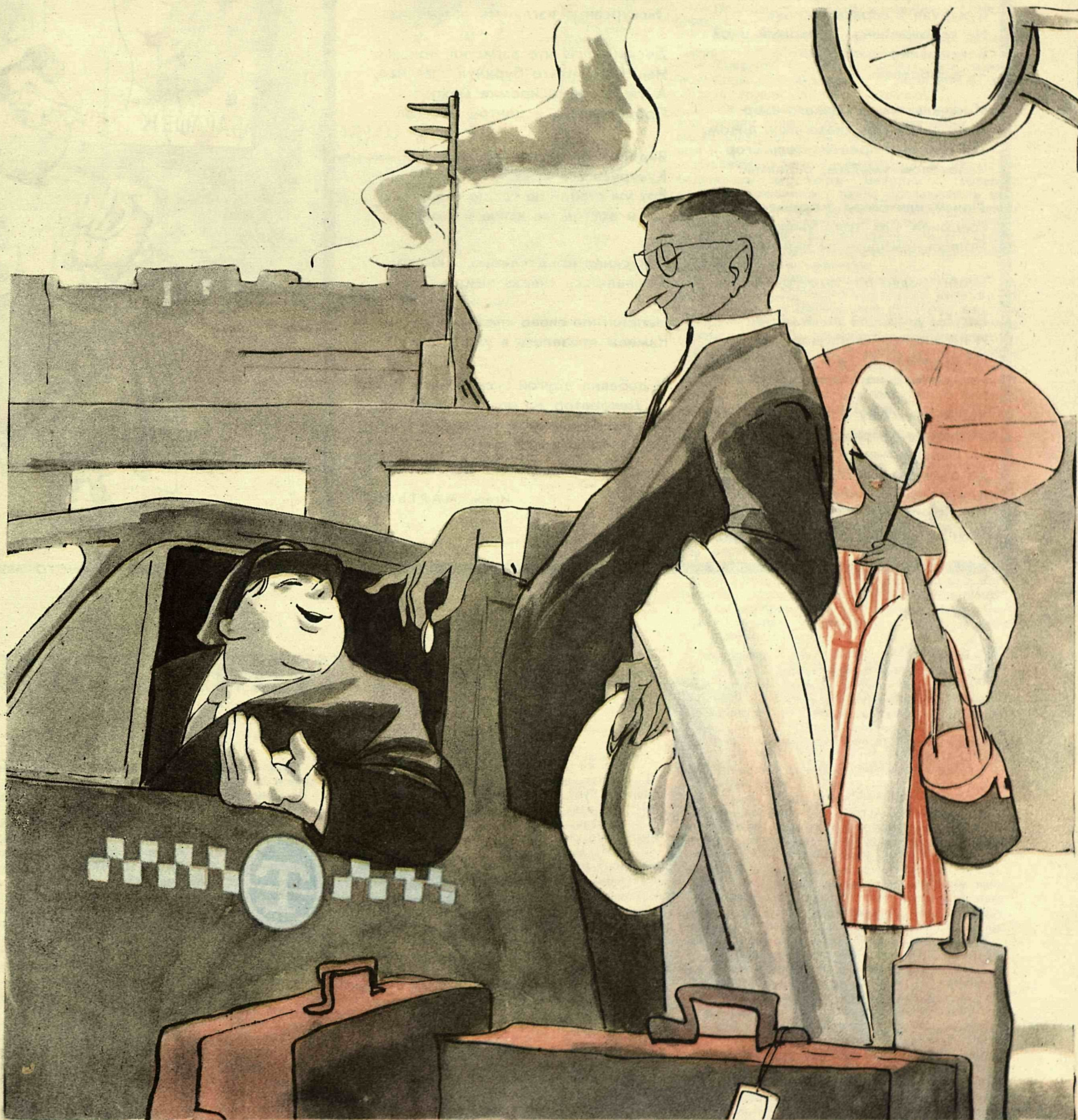

КРОКОДИЛ

№ 19 (1669)

ГОД ИЗДАНИЯ 41-Й

10 ИЮЛЯ 1962

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЕН!

— На чай я не беру!
— Тогда возьмите на кофе.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Декоратор

Вдоль дороги — зеленой стеной
Кукуруза и справа и слева.
Не сдержавшись, прохожий иной
Восхищенно шептал:
— Королева!..

И начальства проезжего взор
Любовался тем сказочным дивом.
Так прослыл председатель Егор
Человеком умелым, радивым.

Приводили Егора в пример,
Говорили, что, труд уважая,
Принял комплекс он действенных
мер,
Чтобы резко поднять урожай.

Вез бы долго он почестей воз
И не знал никакого конфуза,
Но приехали гости в колхоз
Посмотреть на его кукурузу.

Жали руку ему от души,
Говорили в восторге Егору:
— Перспективы у вас хороши,
Заготовите силоса гору!

Нет такой «кордлеве» цены,
Будут ваши животные в теле!..

Вдруг на поле с другой стороны
Экскурсенты взглянуть захотели.

Дескать, все, что взрастил, покажи.
Наш Егор что-то буркнул плаксиво,
А уж гости по кромке межи
Продвигаются к центру массива.

Видят гости опять чудеса —
Кукуруза все хуже и хуже.
Вот уж стебли не толще овса,
Да и ростом не выше к тому же.

Потускнел председательский взор.
Провалиться сквозь землю бы
впору

Неприятное слово «позор»
Камнем врезалось в ухо Егору.

И добавил другой экскурсант:
— Декоратор вы просто отличный.
Зря зарыли природный талант —
Вам в театр поступить бы
столичный!

Игорь МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

Поле деятельности одного молодого

Зинаида Васильевна Кожухова-Верецагина в книгу почетных граждан города Ливны не занесена. Тем не менее ее имя — на устах всех земляков. В чем секрет такой популярности? Зинаида Васильевна не является ни токарем-скоростником, ни известной певицей, ни неутомимым изобретателем. Откроем же подоплеку этой необычной славы.

Захотела Кожухова-Верецагина выстроить себе персональный терем в пять тысяч рублей — выстроила. Пожелала обставить оный терем современной мебелью, устлать его коврами — обставила и устлала. Для хозяйственных разъездов завела один мотоцикл, для вечерних прогулок — второй. На предмет увеселения гостей приготовила баян и охотничье ружье. Свое будущее обеспечила изрядным вкладом на сберкнижку и облигациями трехпроцентного займа. Мы уже не говорим о таких пустяках, как телевизор, радиоприемник, стиральный агрегат, швейная машина.

Все эти блага приобретены за каких-то два года руководства магазином «Культтовары»!

— И откуда берет? — недоумевали соседи. — Заработок у нее — семьдесят — девяносто рублей, а семья в четыре человека.

Сигналы о том, что дело нечисто, подавали и районная пресса, и городской актив, и даже прохожие. Догадки переросли в прямые улики, и вскоре Зинаидой Васильевной заинтересовалась районная милиция.

Начались жаркие споры, с какого боку обходить, с какой стороны брать мошенницу. В дискуссию включилась прокуратура. Разговоры затянулись. А под шумок этих бесед и согласований Зинаида Васильевна энергично прятала концы в воду. И когда сводные милицейско-прокурорские силы наконец приступили к конкретным действиям, улики как в воду канули.

ПО СОБСТВЕННОМУ

— Как же так? — развела руками ударная группа. — Вроде налицо были уголовно наказуемые деяния. Куда же они делись?

И уголовное дело пришлось закрыть. Непойманный вор выплыл перед директором Ливенского смешторга И. В. Говоровым.

— Хочу выбраться из вашей сети по собственному желанию, — заявила Кожухова устно и письменно. — Обидели меня тут. Заподозрили.

Директор сконфузился, пожалел оскорбленную невинность и отдал приказ по торгу: «Верецагину (Кожухову) З. В. от занимаемой должности освободить по собственному желанию...»

Заполучив такую же симпатичную запись в свою трудовую книжку, Зинаида Васильевна закатила на радостях банкет в ресторане «Сосна». Первый ее тост звучал так:

— Теперь, значит, куда потянет, там и устроюсь.

Потянуло ее в сторону райпотребсоюза. Осталось устроиться.

— Желаю служить и потреблять, — сказала она председателю М. П. Жигаеву.

— Согласно вашему профилю, могу предложить только склад культспорттоваров, — ответил председатель.

— Мотоциклы-телевизоры имеются? Прелестно! Пишите договор о материальной ответственности.

Написали. Подписали. Оформили приказом на должность заведующего складом.

— Зинаида-то снова на орбите! — изумились ливенские жители. — Просочилась...

К сожалению, в систему торговли «просочилась» не одна Кожухова. В самом областном центре в ресторане «Ока» бойко хлопочет у кухонного очага повар А. М. Наумов. Он и раньше орудовал у этой же плиты, но в более высоком звании шеф-повара. Однако прошлой весной этот пост пришлось сдать вместе с ключами от кладовой, из которой при непосредственном участии Наумова исчезло много продуктов.

— Околпачил! — развел руками директор ресторана Г. Ф. Макаров, подсчитав убытки.

Орловский городской суд, посоветовавшись налегке и накоротке, ограничился в отношении Наумова годом исправительно-трудовых работ.

— Желаю трудоисправиться! — бухнулся осужденный в ноги директору городского треста столовых и ресторанов тов. Погдину.

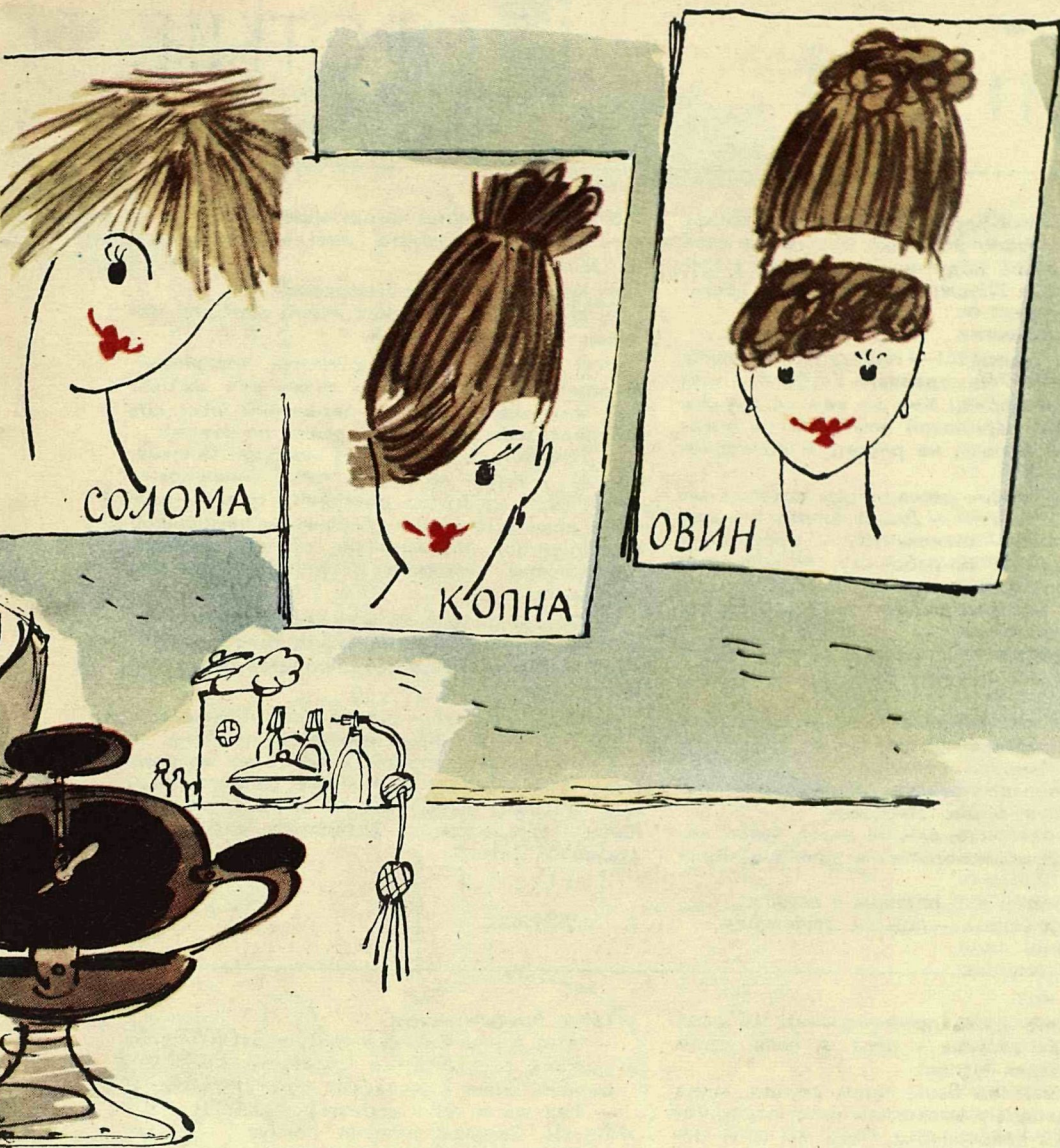
— Исправим! — уверенно заметил директор и подписал приказ о переводе жулика в заведующие столовой № 14.

Наумов «исправлялся» изо всех сил. Вскоре в столовой также была обнаружена недостача.

Директор треста разгневался не на шутку:

— Наумова, как не оправдавшего моего доверия, уволить по пункту «В» статьи 47 КЗОТ!

Однако из отдела кадров воришка-рецидивист

агронома.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

ЖЕЛАНИЮ...

вышел с просветленным лицом. Уверенной походкой он направился к ресторану «Ока», с которым еще не расплатился за прежнюю растрату.

— Хочу кашеварить под джаз-оркестр,— признался он директору.

— Но ты же растратчик!

— А может, отличник.— Наумов небрежно раскрыл трудовую книжку.— Читайте, завидуйте.

— «Уволен согласно приказа № 23»,— не веря своим очкам, прочитал Макаров.— Это как понимать?

— Как пожелаю, так и поймете. Могу дать любое толкование.

— Это мне нравится,— оживился директор.— Надевай колпак.

В то время, когда Наумов из «Оки» специализировался на недостачах, заместитель старшего бухгалтера ресторана «Орел» Г. С. Тверских мучилась от излишков продуктов, сэкономленных на желудках посетителей. Вычеркнуть излишки из ведомостей и составить фиктивные документы оказалось парой пустяков. Гораздо сложнее было перетаскивать домой ворованные бараньи ноги, головки сыра и консервы. Эти сверхурочные занятия и подвели Тверских под обвинительное заключение. Благодаря заботам местных организаций судьям не удалось начислить на бухгалтера ни одного года лишения свободы, но угроза увольнения по злосчастному пункту «В» нависла над Тверских со всей серьезностью.

— Нельзя ли... по собственному желанию? — лукаво улыбнулась она управляющему областной кафе и ресторанов И. Т. Тюпину.

— Желание женщины — закон! — ответил галантный управляющий и тут же сделал в трудовой книжке Тверских рыцарскую запись: «Уволена по собственному желанию».

Прогуляв полгода, Тверских устроилась бухгалтером на обувную фабрику № 1.

Бывший заместитель начальника орс Орловского отделения дороги Е. С. Крнев... впрочем, называть Евгения Сергеевича «бывшим» даже неловко. Сейчас он самый настоящий, всамделишный заместитель начальника областной базы Росхозторга. А ведь еще совсем недавно, после крупных махинаций в железнодорожной торговой сети, он внутренне был уже готов к поездке в места не столь отдаленные. И лишь вмешательство внешних сил в лице местных организаций помогло ему отделаться пунктом «В». Но он хотел трудиться, и только на ответственном, высокооплачиваемом посту. Его желание нашло отклик в бесстрашном и всепрощающем сердце начальника областного управления торговли Г. Т. Сенина. Тот отменил условности КЗОТа и написал в Москву послание-просьбу утвердить Крневу в новой должности.

Да, не дают в обиду жуликов и растратчиков в торговом мире Орловской области! По-отечески журят их, передвигают с места на место. А если уж слишком явственно вылезет шило из мешка — ну, что ж, тогда на выручку приходит спасительная формула: «По собственному желанию...»

Г. ПОРОЖЕНКО,
специальный корреспондент Крокодила.

Ливны — Орел.

СТУЛОМ ПОЗДРАВОВОМУ СМЫСЛУ

В этот день в Спасском райфинотделе (Приморский край) была необычная суматоха. Сотрудники бегали из комнаты в комнату и просили друг друга:

— Поднимитесь, Иван Иванович, покажите спинку.

— Марья Иванна, а вы покажите ножки. Ничего еще ножки! Крепенькие.

— Товарищ Кульков, встаньте, мы сиденье осмотрим. Эге, нехорошо. В него нужно вколотить гвоздь. А то и парочку.

Такая картина представлялась нам, когда мы читали приказ № 14 по Спасскому райфо от 28 февраля. Ознакомьтесь с этим приказом и вы, читатель:

«Экономист госдоходов Глушич Н. М., руководствуясь чувствами неприязни, которые особенно проявились после проведенного нач. отдела кадров крайфо совещания, на котором подвергались критике отдельные работники за ненормальные взаимоотношения, т. Глушич устроила с целью дискриминации зав. райфо неприязнь в кабинете.

Увидев в райфо поломанный стул, т. Глушич вместо того, чтобы его вообще вынести из помещения, настроила этот стул под вид исправленного, занесла в кабинет и поставила к моему столу, где обычно садятся посетители.

Так и случилось. 27 февраля по служебным делам пришел директор Заготконторы т. Бочал и, ничего не подозревая, сел на данный стул. Стул развалился, а тов. Бочал не упал на пол только благодаря тому, что задержался за подоконник.

В соответствии с вышеуказанным ПРИКАЗЫВАЮ:

1. За проявление подлога экономисту госдоходов т. Глушич Н. М. объявляю выговор.

2. Впредь при обнаружении в учреждении поломанного стула, кто бы то ни был должен вынести такой стул из помещения, чтобы не подводить ни работников райфо, ни тем более посетителей.

Зав. Спасским райфо М. НЕСТЕРЕНКО».

Дело дошло до районной профсоюзной организации, которая вступилась за экономиста Глушич и предложила отменить не в меру строгий приказ о сломанном стуле. В ответ зав. райфо сообщил:

«...Приказ № 14 в книгу приказов не записан, этот приказ мною был написан на бумажке и вывешен на доску приказов для того, чтобы просто напугать тов. Глушич». Пострадал, так сказать, в порядке профилактики.

И то сказать. А вдруг еще кто-нибудь подсядет креслице с изъянцем самому... тов. Нестеренко. Вот это будет «дискриминация»!

Л. АЛЕКСАНДРОВА

Камо везеши?

Везут по стальным магистралям составы
Машины, руду и зерно.

Мы транспортом можем гордиться по праву,
Но только... Опять это «кно»!

С загадочной целью порой эшелоны
В далекие едут концы:

То вдруг доставляют в Сухуми лимоны,

То в Нежин везут огурцы,

То мчатся зачем-то в Баку с керосином,

В Тбилиси — с вином, табаком,

В Архангельск платформы идут с древесиной,

На Волгу — платформы с песком.

Кто знает, возможно, что где-то на трассе,
Нагруженный углем, сейчас

Состав из Донбасса несется к Кузбассу,

Состав из Кузбасса — в Донбасс.

Примеров нелепой загрузки дороги

Немало мы можем найти.

А многие важные грузы в итоге

Стоят на запасном пути!

Андрей КАРАСЕВ,
Сергей РЕВЗИН

Феликс ВИБЕ

ПО-РАБОЧЕМУ, ПО-ДЕЛОВОМУ...

Сталевар Николай Петров второй месяц из смены в смену давал рекордные съемы стали. Над головой профорга мартеновского цеха Константина Чемоданова нависла угроза проведения мероприятия на тему «Обмен передовым опытом».

С глубоким вздохом Чемоданов вывесил объявление о мероприятии. Когда все собрались в красном уголке, он поднялся на трибуну.

— Товарищи! Я в части ростков нового. В любое время подойдите к нормировщику и спросите, у кого лучшие показатели по цеху. Что, вы думаете, он вам ответит? Он ответит: из трехсот членов профсоюза самые выдающиеся показатели у... ээ... сталева Петра. А вчера цеховая «молния» возвестила о том, что этот сталевар дал рекордный съем стали. Как же нам не следовать благородному примеру? Как не равняться? Как не гордиться? Не стыдно ли тем, кто погряз в консерватизме и держит опыт лучших под спудом?..

Так говорил профорг Чемоданов. Но никому почему-то не стало особенно стыдно от слов профорга. Только подручный сталева с шестой печи Федя Птушко с притворным восхищением сказал:

— Вот здорово!

— Именно здорово! — подхватил реплику вдохновенный Чемоданов. — Глубоко прав предыдущий товарищ! Как же нам не изучать прогрессивный передовой опыт? Как не внедрять? Как не беречь, не растить и не поднимать на щит?..

— Слышали уже, — рассердился пожилой мастер Борис Иванович. — Давай ближе к делу.

— Правильно! — воскликнул профорг. — И давайте сейчас по-рабочему, по-деловому обсудим важнейший вопрос о необходимости всемерного распространения методов труда тех, которые...

— Да ты говори по существу. Какие методы? Чемоданов на секунду осекся, но продолжал:

— Методы тех, которые все, как один, нога в ногу стали к огнедышащим печам и, не щадя ни сил, ни минуты времени...

— Опять зарпортовался Чемоданов! — с досадой крикнул Борис Иванович.

— Да он, наверное, сам не знает, какие методы у Петрова! — нетактично крикнул Федя Птушко.

Профорг вытер лоб платком и сказал:

— Добился успеха — помоги отстающим.

В зале зашелестел негодующий ропот.

— Разрешите сказать мне! — послышалось из зала.

— Кому? — спросил Чемоданов.

— Мне, — ответил симпатичный молодой человек из второго ряда.

— Я не знаю вашей фамилии, товарищ, — загремел профорг, — но я скажу вам прямо: тем, кто мешает сделать передовой опыт достоянием всех, мы крепко дадим по рукам!

— Извините, — застеснялся молодой человек.

— И учтите, — возвысил голос профорг, — что никому не будет позволено срывать всякими демагогическими репликами важнейшее мероприятие, посвященное обмену опытом. Мы должны всемерно расширять ряды тех, которые...

— Освободи трибуну и предоставь ему слово, Чемодан! — закричал кто-то голосом, прокаленным в необозримых пролетах мартеновского цеха.

— Как?.. Кому? — ошолбенел Чемоданов.

— Ему! Хватит! Коля, выходи на трибуну!

Симпатичный молодой человек из второго ряда встал и вышел на трибуну. Он заговорил, и в красном уголке восстановилась тишина. Как вы уже, конечно, догадались, это и был сталевар Петров.

г. Свердловск.

Тамара ВОЛЖИНА

ВАЛЕРКА И ВЕДОМСТВО

Меня сегодня в детский сад не повезли, потому что Нина Владимировна, наша детсадовская воспитательница, вчера сказала маме:

— Какой ужас! Галя Самойлова подцепила коры! Теперь мы будем сидеть на карантине...

И я тоже был рад, потому что мне надоело каждое утро досыпать по кусочкам: кусочек в троллейбусе, кусочек в метро и еще один кусочек опять в троллейбусе... Ведь мы живем на Соколе, а мой детский сад — на Кутузовском проспекте, потому что мама работает на Арбате.

Из-за меня и Вовку, моего братика, в детский сад не повезли. Его всегда отвозит папа. В Сокольники. Потому что папа работает на Преображенке.

А сегодня мы с Вовкой так выспались, так

выспались, что даже проголодались. И мама сегодня была веселая и папа. А папа утром даже побриться успел!

А чтобы нам не было днем скучно, мама вчера по телефону вызвала тетю Надю, которая песни... пенсионерка. Пока мы тетю Надю ждали, мы с Вовкой гуляли во дворе.

Мы все гуляли, гуляли... Потом приехала тетя Надя, поздоровалась с нами за руку и сказала:

— Погуляйте еще, я пойду обед сварю. Только не балуйтесь.

Мы не баловались. Мы играли в салочки и качались на доске. А потом во двор вышел детский сад, который живет в нашем доме, и мы через загородку познакомились с одним мальчиком. Его зовут Сережа. Вовка спросил его:

— Ты почему не играешь?

А он сказал:

— Я спать хочу.

Вовка еще спросил:

— А ты где живешь, здесь?

— Нет, на Дорогомилловской. Знаешь, рядом с Кутузовским...

Тогда Вовка крикнул:

— Ага! А наш Валерка на Кутузовский ездит в детский сад! А я — в Сокольники!

Сережа очень удивился и спросил меня:

— Как же я тебя никогда не видел?!

Потом Сережа спросил Вовку:

— Ты Наташу Пронину знаешь?

Вовка сказал, что нет.

— Вот так-так, — удивился Сережа, — она же в Сокольниках живет! Вон она, в синем пальто, на лавочке сидит...

Сережа познакомил нас с Наташей и сказал:

— Нам всем надо поменяться. Или папами и мамами, или детскими садиками.

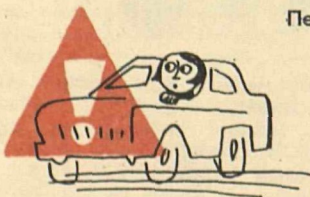
— Ну, конечно! — заорал Вовка. — Давайте меняться!..

Но в это время пришла тетя Надя звать нас обедать. Мы ей сразу же рассказали, как мы все хорошо придумали, а тетя Надя покачала головой и сказала:

— Не поменяют вам детсады. Ведомства разные...

Вечером обязательно спрошу у папы, что это такое — ведомство.

Петер ЗОЛТАН

НОВИЧОК

Вероятно, вы уже видели в городе новехонькие «Трабанты», «Шкоды» или «Москвичи», к которым прикреплены таблички: «Учебная». Всего одно словцо, но для меня оно имеет глубокий смысл...

Из узкого переулка на главную улицу лихо сворачивает желто-синий «Трабант». Лишь в последний момент он успевает затормозить перед мощным грузовиком, из кабины которого высовывается багроволицый шофер. Но шофер не рычит на перепуганного, бледного водителя, а чуть ли не дружелюбно машет ему рукой. Мол, пожалуйста, пожалуйста. Проезжайте спокойно! Когда-то и я был учеником.

А вот голубая «Шкода» застревает на самой

середине оживленного перекрестка. Мгновение — и вокруг собирается армия автомобилей. Полицейский в стеклянной будке вынужден из-за возникшего вдруг препятствия включить желтый свет. Хорошенькая молодая женщина с огромными от ужаса глазами заставляет мотор кашлять, дергает за переключатель скоростей, нажимает какие-то кнопки. Но машина ни с места. Понятно: к машине прикреплена табличка «Учебная». Из выстроившихся цугом машин, с тротуаров подходят люди, и вокруг голубой «Шкоды» собирается кружок сочувствующих душ — эдакий шоферский консилиум. Они наклоняются над машиной. Пять человек дают пять разных советов. Наконец кто-то обнаруживает дефект, и «Шкода» трогается с места. Никто не сердится: учебная!

И в голову мне приходит простая мысль: насколько прекраснее, легче была бы наша жизнь, если бы мы не стыдились вывешивать такие таблички в других местах.

Например, ученица-кассирша в «Гастрономе». Если б она сдала мне меньше сдачи, я, опытный и закаленный покупатель, доброжелательно и дружелюбно мог бы сказать:

— Простите, мне следует еще два форинта и двадцать филлеров.

И она не стала бы обижаться; ведь она кассирша-новичок.

Подобным же образом неплохо было бы увидеть на дверях некоторых учреждений таблички: «Х. У. — начальник отдела — новичок». Потому что — не правда ли? — и этому надо учиться. В таком случае я прямо мог бы сказать:

— Послушайте, дорогой товарищ Х. Я уже двенадцать лет работаю в отделе, который вы теперь возглавляете. Ваши предшественники делали это так-то и так-то. Поверьте, таким образом гораздо скорее, успешнее и легче можно разрешить дело. Без волокиты и бюрократизма.

Он благодарно пожимает мне руку за добрый совет. И ему хорошо, и мне приятно. Я не стану продолжать перечисление примеров. В конце концов вывод один: каждому когда-то надо начинать — и в «Москвиче» и в учреждении.

Перевела с венгерского
Елена ТУМАРКИНА.

СОСНОВЫЙ ПАЦИЕНТ

Что такое бочка сама по себе? Тара для жидких или, скажем, сыпучих тел. Только и всего. Но иногда, если бочке здорово повезет, она может стать реликвией и даже попасть в историю.

Вспомните хотя бы бочку, в которой назло древнегреческим домовладельцам проживал Диоген. В любом учебнике об этой бочке прочесть можно.

Однако бочка бочке рознь. Например, о той бочке, которая вот уже год с лишним стоит в одном из корпусов Московской городской больницы имени Остроумова, не то что школьник, а и люди со специальным высшим образованием ничего толком сказать не могут. Хотя эта бочка в историю, безусловно, попала. И притом в историю довольно скандальную.

В мае прошлого года строители СМУ-1 ремстройтреста Мосгорздравотдела сгрузили ее с самосвала и, набив сосновое нутро известкой, поставили в отделении радиевой хирургии. С тех пор так она там и стоит. Как вкопанная. В качестве символа начатого и брошенного на полпути ремонта.

А тем временем сотни нуждающихся в радиохирургических методах лечения москвичей ходят вокруг да около больницы и не могут понять, почему их законное место заняла сосновая бочка.

Дело в том, что не только данная бочка, но и другие ее собратья по хранению известки стоят во всех помещениях клиники, где раньше работало ценнейшее медицинское оборудование. Теперь это оборудова-

ние не работает, оно свалено в тесных каморках и покрывается пылью. Второй, напоминаем, год.

Многие пытались за это время сдвинуть бочку, а заодно и заплесневелые ремонтно-строительные работы с места. Одних прорабов девять человек сменилось. А сосновая все ни с места!

Наконец очередная попытка отыскать таинственные причины, позволяющие грошовой сосновой бочке так незыблемо и длительно торчать на пути прогресса радиохирургии, увенчалась успехом. Главный инженер управления эксплуатации и капитального ремонта Мосгорздравотдела Иван Андреевич Рогов дал современникам соответствующие разъяснения.

История с бочкой и девятью прорабами выглядит проще пареной репы. Оказывается, прорабам были выгодны с точки зрения выполнения плана дорогие столярно-плотницкие работы. И они их выполнили. Более же дешевые малярно-отделочные процессы выполнять было невыгодно. И их не выполнили.

Бочка по-прежнему стоит. А миллионное оборудование пылится. А стоимость сосновой реликвии в связи с этим день ото дня растет.

Вот и получается, что в некоторых ремонтно-строительных случаях грош цена не только самой бочке как таковой, но и тем руководящим строителям, которые не могут в течение целого года сдвинуть ее с места.

Г. СОМОВ

Деляги на промысле

Овцеводческий совхоз имени Матросова совсем еще молодой. Год, как только организован. Ему сейчас надо набирать силы, мужать, расти. А вокруг да около юного новосела уже похаживают хитроватые, себе на уме личности, наметанно щурятся, побрякивают и усмеваются:

— Хс-хе! Строиться им, значит, надо... Пушай, мы не против. Только чтоб и нам от этого своя выгода была... А иначе — ни в жисть!..

Нет, дорогой читатель, это вовсе не мироеды-горлохваты, а самые что ни на есть современные хозяйственные деятели так приговаривают. И не только приговаривают, но даже не стесняются официально об этих своих горлохватских поползновениях извещать.

Вот какое вкрадчивое письмецо легло, к примеру, на стол директора этого совхоза:

«Директору о/совхоза им. Матросова Баранкульского района Целиноградской области т. Д. ПИЛИПЕНКО

Сонский лесхоз Красноярского совнархоза в счет будущих взаимных расчетов с Вашим совхозом просит выслать лесхозу один мотоцикл с коляской, желательна марки завода «Ирбит», а также авторезины по возможности.

По получении указанного лесхоз возобновит отгрузку срубов домов и пиломатериала.

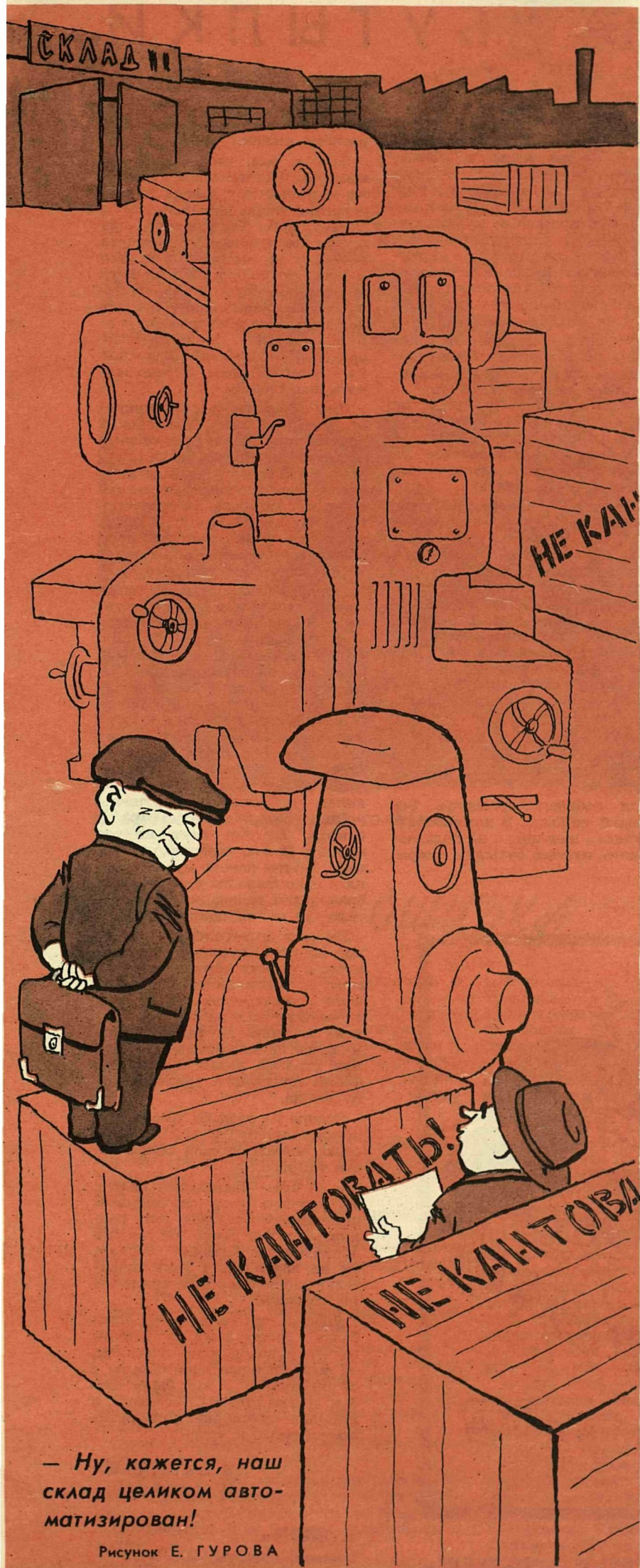
Директор Сонского лесхоза И. ОРЛОВ».

Иначе говоря:

— Вынь да положь, что нам желается. А не то мы вам...

Интересно, что тов. Орлову пожелается завтра? Может быть, лимужин новейшей марки? Или, не дай боже, персональный вертолет? И не придется ли тогда ради убогствования капризных поставщиков распродать направо и налево всю совхозную овечью живность?

А. В.

— Ну, кажется, наш склад целиком автоматизирован!

Рисунок Е. ГУРОВА

ТЕРЕК ТЕЧЕТ В... БУТЫЛКИ

Свадебное пиршество началось. Старейший из родственников, седобородый Гастан, поднял рог, наполненный вином, и произнес здравицу. По его примеру остальные гости поднесли чаши к губам.

Но тут случилось непредвиденное. Старый Гастан, сделав один глоток, поперхнулся и застыл с рогом в руках. А рог — штука коварная: не выпьешь до дна — не поставишь. Но мудрый старец, подумав, все же вышел из положения: он воткнул рог в высокий, пышный белый хлеб. Остальные гости тоже, как сговорившись, не допили своих чаш, а, как по команде, дружно поставили их на стол.

Жених, скромно стоявший у порога, обомлел. Потом он ринулся на кухню и набросился на своего старшего брата, ведавшего закупками:

— Да обрушится на тебя небо! Какой это отравой ты поишь гостей?

— Отравой? — побледнел тот. — Чистое красное вино. В магазине покупал. Попробуй сам.

Жених открыл бутылку, хлебнул из горлышка, сморщился и сплюнул:

— На собаку плесни — облезет... А что еще у тебя есть? Кагор? Давай кагор.

— Есть еще портвейн. Номера 11, 13, 30, 33...

— Ты лучше скажи: можно эти номера пить? Давай их все подряд на стол.

Подали все вино. И тут началось что-то совсем неприличное. Бутылки открывали поточным способом, по конвейеру, пробо-

вали и тут же отставляли под стол.

— Это не вино, а морская вода, — шушукались гости.

Было внесено предложение осмотреть бутылки. На них на всех была одна марка — Орджоникидзевский винзавод Дагестанского совнархоза. Услышав это, старый Гастан с гневом воскликнул:

— Да покарает аллах этот совнархоз и его бракоделов! Эгей, джигиты, седлайте своих коней... то есть, я хотел сказать, садитесь в такси и привезите сюда директора завода Худояна и главного винодела Хачатряна. Пусть осыплетса подо мной земля, если я не заставлю их выпить всю эту бурду.

Слово старшего — закон. Через десять минут джигиты уже звонили из проходной завода в начальнические кабинеты и передавали приглашение на свадьбу.

— Куда? На какую свадьбу? — удивился ответственный голос. — Что? Наше вино? Сами пейте!

— Ага! — крикнули молодые нетерпеливые джигиты. — Ветер проник в ваши носы, учуяли? Испугались? Дрянь выпускать не боитесь, а отвечать боитесь?

— Ужасно испугались! — захихикала трубка. — Да, мы здесь никого не боимся — ни госконтроля, ни торговой инспекции, ни ревизоров, ни контролеров. Мы не ваши, а Дагестанского совнархоза. Вот туда и жалуйтесь. А что не едем на свадьбу — так нам некогда.

Джигиты отправились восвояси с понурой головой.

...Руководители завода были

дважды правы. Во-первых, они действительно никого не боялись в другой республике. На все запросы, акты и рекламации, исходящие из города Орджоникидзе, начальник торговой инспекции Дагестана тов. Скрипников и другие ответственные лица отделивались отписками. Во-вторых, у директора завода Худояна и главного винодела Хачатряна действительно было дело по горло. Что же они делали?

Именно в этот день завод получил от родного дагестанского совхоза имени Алиева 1370 декалитров портвейна № 13.

— Да наградит их пророк за такой царский подарок! — возрадовались на заводе. — Ведь в этом вине не 8,2 процента сахара, как указано в документах, а целых 8,5 процента!

Началось производственное совещание. В прениях выяснилось, что, разбавив этот портвейн дармовой водой из Терека, можно дополнительно получить 1200 бутылок вина и продать его за 1400 рублей. Чем плохо!

...А на свадьбе в это время старый Гастан обратился к не тронутым еще резервам:

— Подавайте коньяк! — Нету уже, — шепнул ему брат жениха, — старушки выпили.

— Ты расстался с разумом! — взревел разъяренный старец. — Десять бутылок коньяку на трех старушек?

Он побежал проверять. Сомнений не было. В комнате, где «гуляли» женщины, на полу валялись пустые бутылки, укра-

шенные звездочками, а трезвые старушки грустно ели пироги со свежим сыром.

Дело в том, что слабенкий коньячок был изготовлен на том же худояновском заводе по технологии, укоренившейся там с давних пор. Технология была предельно проста и проникнута любовью к человечеству. Кто сказал, что коньяк должен быть не ниже 40 градусов? Зачем излишества? Ведь можно сделать коньяк слабее и на два-три градуса, а потом сэкономленные градусы разбавить той же водой из бурного Терека и реализовать «налево».

Иисус Христос, превративший на свадьбе в Кане Галилейской воду в вино, не получил от этой операции ни обота прибыли. Худоян и его кадры куда практичнее! Они совершают операцию обратного порядка, то есть превращают вино в воду. И получают на этом значительную прибыль, которая ни в каких отчетах завода не фигурирует.

Гулявшие на свадьбе гости не знали, что к ним попала ничтожная часть вина, испорченного на заводе. Они не знали, что не так давно Северо-Осетинская торговая инспекция из проверенных ею 5,5 тысячи декалитров вина забраковала большую половину. В актах говорилось: «Вино «Ркацители» мутное, с осадком... Портвейн №№ 30 и 33 грубый, нетипичный».

Далее указывалось, что в винах и коньяке нарушены нормы содержания сахара и спирта. Не тот цвет, не тот аромат. И уж, конечно, не тот вкус. В этом потоке мутного вина можно было бы утопить всех бракоделов завода, и еще хватило бы на их покровителей.

Но если Дагестанский совнархоз не счел нужным принять меры к своему подопечному заводу, то наши гости на свадьбе были расторопнее. Джигиты снова вскочили на быстрых коней, то бишь на такси, и помчались по магазинам. Им был дан строгий наказ: брать все, кроме продукции худояновского завода.

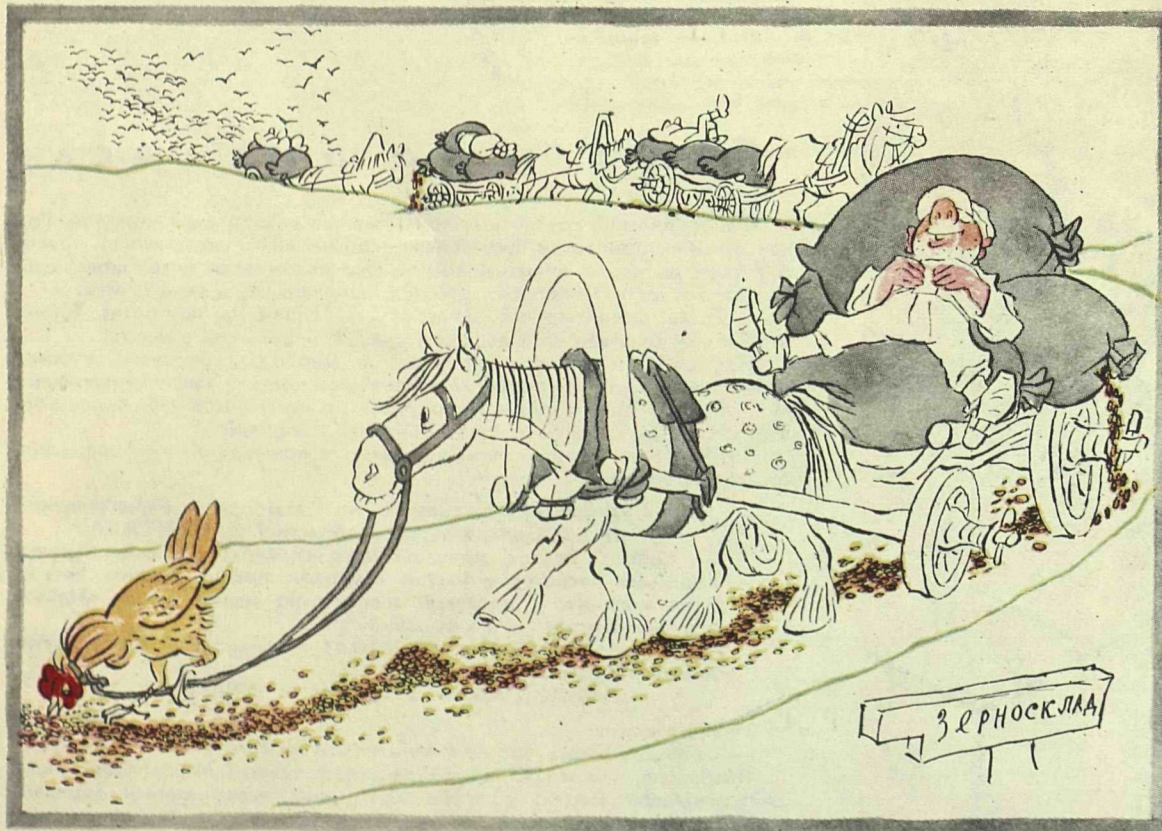
Вскоре на свадьбе веселились по-настоящему. Старый Гастан снова взялся за свои обязанности тамады.

— А что, — благодушно сказал он, осушив рог, наполненный шампанским московского разлива, — может быть, зря мы так нападаем на Худояна? Может, он не бракодел, а наш спаситель? Заботится о том, чтобы мы не спились?

Добрый старик, конечно, ошибался. Виноделами в данном случае руководил не гуманизм, не возвышенные идеи борьбы с алкоголизмом. У них были совсем другие мотивы. Те самые, в которых лучше нас разберутся прокуратура и суд.

В. ЦАГОЛОВ,
Е. ЦУГУЛИЕВА

г. Орджоникидзе,
Северо-Осетинской АССР.

С поводырем.

Рисунок А. ГОЛУБЕВА

Подарок к совершеннолетию.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Феликс КРИВИН

ОШИБКА

СКАЗКА

Никто не знал, когда она появилась в диктанте.

Жизнь текла на странице спокойно и размеренно, по всем правилам грамматики. Существительные и прилагательные жили в полном согласии, дополнения безропотно подчинялись сказуемому, буква Ы держалась на почтительном расстоянии от шипящих.

И вдруг — Ошибка.

Первым ее заметило О. Оно широко раскрыло рот от удивления, толкнуло Йот, и они вместе вскрикнули:

— Ой!

— Тише! — зашипели на них шипящие. — Чего шумите?

Но шипящим не пришлось объяснять, в чем дело. Вскоре они уже и сами перешептывались между собой:

— Ошибка! Ошибка! Ошибка!

Наконец Ошибку заметили все. Твердый Знак подошел к ней и сказал:

— Извините, вы нарушаете правила.

— Какие еще правила? — не поняла Ошибка. — Я не знаю никаких правил.

— Правила следует знать! — строго объяснил Твердый Знак. — Без этого нельзя появляться в тетради.

Ошибка посмотрела на него и вдруг раскричалась:

— Уберите свой живот, когда разговариваете с дамой! И вообще нечего ко мне приставать. Каждый живет по своим правилам.

Но Твердый Знак нелегко было сбить с толку.

— Конечно, — согласился он, стараясь не

реагировать на грубый тон правонарушительницы, — у каждого свои правила. Но когда находишься в тексте, нужно подчиняться общим правилам — правилам грамматики.

— Оставьте ее, — вмешалась Запятая. — Пусть себе стоит. Она ведь никому не мешает.

— Как это не мешает! — зашумели другие знаки. — Нам за нее снизят оценку!

Запятая больше не настаивала. Она боялась спорить. Если уж хорошенько разобьются, Запятая сама была здесь не на месте, поэтому она сказала примирительно:

— Мне казалось, что на ошибках учатся... Ошибка ухватила за эти слова:

— Да, да, учитесь на мне! Как я стану жить, если на мне не будут учиться!

Знакам стало жаль Ошибку. Кроме того, они вообще любили учиться — почему бы им не поучиться на Ошибке? Все отвернулись от Твердого Знака, осуждая его излишнюю принципиальность.

— Я всегда был противником чрезмерной твердости, — сказал Мягкий Знак.

— Мы все будем учиться на этой Ошибке, — заявили остальные.

И лишь тогда, когда в конце диктанта появилась угрюмая, долговязая Единица, слова и знаки приумолкли.

Они были озадачены. Ведь они так старательно учились на Ошибке, что только Пятёрка могла это как следует оценить.

И вдруг — Единица.

— Откуда Единица? Почему Единица? — приставал ко всем Вопросительный Знак, но его никто не хотел слушать.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ОБРАЗЦЫ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

1

Утверждают люди, опытом делясь,
Что в сметане любит жариться карась.
Утверждают,

не спрося

Карася.

2

Человек бюрократу сказал: — Ты осел!
Он в своем раздражении того не учел,
Что сравненьем таким
он — пускай не со зла —
Ни за что ни про что обижает осла.

3

Зайдешь в кино...
Иные фильмы — хлам
По оформлению,
игре,
сюжету,

теме...

Но почему-то не оплачивают нам
На них потраченное время.

ГРАНИЦА НЕДОВЕРИЯ

Зашли однажды мы в салон,
Где, судя по рекламе,
Без продавца любой фасон
Могли бы выбрать сами.
Отделан зал без мишуры,
Товары взор ласкают.
И вдруг... крученые шнуры
Нам путь пересекают.
Шнуры надежные висят
Границей недоверия,
И мы, увы, глаза кося,
Прошли смущенно к двери.

В. АНДРЕЕВ

— Вы что хотите, бабушка?

— Ничего, милая, молодость зашла вспомнить...

Рисунок М. БИТНОГО

КТО ПОСЛЕДНИЙ? Я ЗА ВАМИ...

Вы не пробовали подсчитать, дорогой читатель, сколько времени в день вы тратите на очереди? Если не меньше часа, то знаете ли вы, что час в день — это две недели в год?

Ужасно жаль потерянного времени, и хочется предъявить кому-то счет. Не будем утверждать, что время — деньги. Зато со всей ответственностью можно заявить, что время — нервы. Специалисты, наверно, могли бы подсчитать, сколько калорий или электровольтам равна одна нерво-минута и сколько лампочек накаливания могло бы гореть круглосуточно за счет нервной энергии, которая расходуется в очередях.

А, собственно, так ли уж неизбежны очереди? Кто их создает?

Вот вы стоите на остановке и ждете автобуса № 6, что курсирует между пунктом «Восточная» и свердловским пригородом Березовском. Проходит пятнадцать минут, полчаса, час — автобуса нет и нет. Вы нервничаете, поглядываете на часы и, наконец, плюнув, отправляетесь пешком. И тут мимо вас с грохотом промчатся одна за другой несколько машин. Попробуйте побеседовать на эту тему, например, с водителем автобуса В. А. Порошиным.

— График виноват, — ответит он. — С часу до четырех у нас обед да пересменка. Ну, а пока мы меняемся и обедаем, вашему брату, пассажиру, конечно, приходится не сладко.

Заглянем теперь в магазин. У прилавка нередко приходится выслушивать набившую оскомину фразу:

— Нет и неизвестно...

Позвольте, почему неизвестно?! У нас плановое хозяйство, и нам в точности известно, сколько автомашин, прокатных станков и тепловозов будет

выпущено в 1965 году. А вот когда будут в продаже туфли 34-го размера или носки девятого номера, неизвестно. Впрочем, кое-что известно. А именно: обувь и носки и еще многое другое лежит на складе или на базе и не попало своевременно в тот или иной магазин только потому, что директор — шляпа.

Наконец привозят то, что вам нужно. И вот стоите вы в очереди в поте лица своего, и продавец орудует в поте лица своего. А за соседним прилавком богатырски зевают два дюжих молодца-продавца.

— Вы помогли бы товарищам!

— Не наш отдел.

— Так ведь люди стоят!

— Не наше дело. У нас инструкция.

Какая инструкция? Чтобы продавец молочного отдела не смел отпускать колбасу, а специалист по подвязкам ни в коем случае не вмешивался в дела парфюмерные? Кому нужна такая инструкция?

— Материальная ответственность! — поясняет заместитель директора магазина № 7 Свердловского райпищеторга Москвы В. В. Гольцев. — Что это такое? Очень просто. Скажем, продавец молочного отдела поможет продавцу отдела колбасного... А вдруг недостача? То-то!

Очень захотелось мне ответить этому работнику прилавка:

— А вдруг не будет недостачи? А вдруг товарищи по работе станут доверять друг другу? И вообще нельзя ли систему взаимных подозрений заменить системой дружеской взаимопомощи? Так сказать, для удобства покупателей.

Но я не стал говорить так, ибо заранее мне слышался ответ:

— Что вы! Как можно! Этак никогда не разберешься, кто у кого что украл: Карл украл у Клары кораллы или Клара у Карла украла кларнет. Нет, старая система нам удобнее! И вообще встаньте в очередь.

После подобных волнений невольно побежишь в поликлинику, чувствуя, что схватил что-нибудь вроде «нервного очередизма». Не тут-то было: у окошечка регистратуры «хвост». И когда часика через два вы попадаете к врачу и слышите стереотипный вопрос: «На что жалуетесь?», — хочется ответить:

— На безобразия!

А чего, казалось бы, проще — записывать на прием к врачу по телефону. Но, оказывается, нельзя. Так удобнее. Кому? Только не нам с вами. Может быть, обо всем этом вам хочется потолковать с... ну, с кем бы? Жаль, нет учреждения, специально ведающего очередями, какой-нибудь «Главочереды» или «Центрохвоста»!

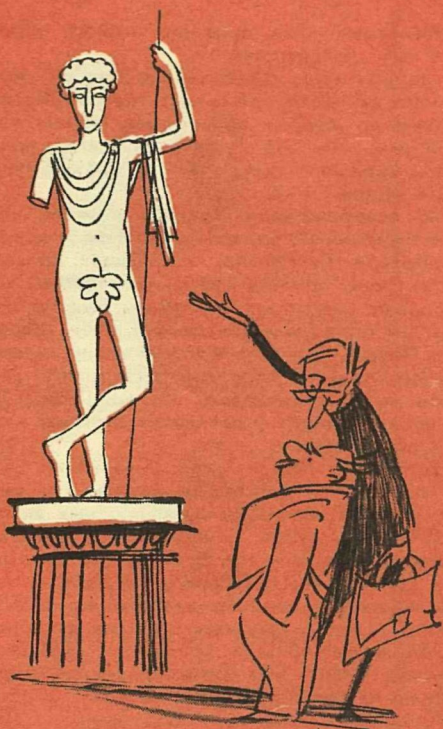
А почему бы нам не потолковать друг с другом? Да ведь это же мы с вами, дорогой читатель, не только стоим в очередях, но и создаем их. Мы сами, дорогой читатель, уважаемые вагоновожатые, вежливые продавцы, внимательные официанты, чуткие портные и заботливые парикмахеры.

Лично я согласен на очередь любой длины, но только на одну-единственную — очередь к книге благодарностей за быстрое и хорошее обслуживание. К такой очереди я готов немедленно пристроиться с удовольствием, задав традиционный вопрос:

— Кто последний? Я за вами!

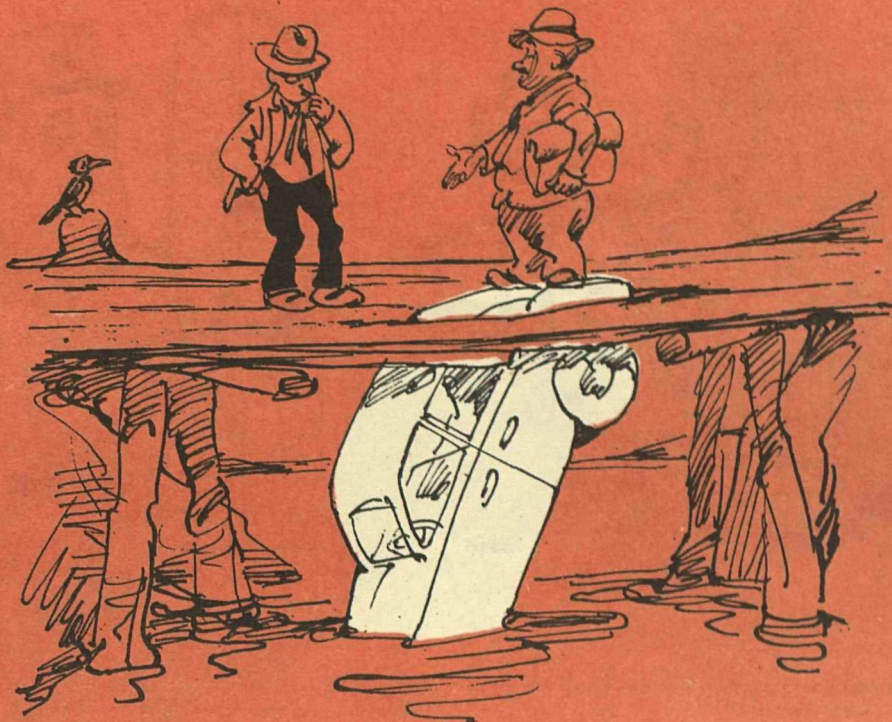
В. ПРИВАЛЬСКИЙ

— Видно, и у древних бывали перебои в торговле трусиками!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Напрасно жалуются, мост хороший!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

ОБЛЕГЧЕННЫЕ ПОДОШВЫ

«Носите обувь производства Тульчинской обувной фабрики», — призывает дирекция этого предприятия со страниц «Памятка потребителю обуви» и описывает особенности своей продукции:

1. Обувь нашей марки удобная, красивая, прочная...

2. Подошва особенно прочная на истирание... Особой прочностью обладает подошва черного цвета.

3. Обувь пошита из прочных материалов верха и легкая за счет облегченных подошв.

4. За счет применения капроновых ниток срок носки обуви значительно увеличен.

5. Своевременный ремонт ее сохранит внешний вид, увеличивает срок носки.

Эта «Памятка» была приложена к купленной мною паре туфель. Не успел я в них обойти всех своих знакомых, как «облегченные подошвы» отклеились. Неужели это шестая особенность тульчинской обуви?

П. АНДРЕЕВ

г. Тульчин,
Винницкой области.

Как обедают в Никеле

Любопытные представления о нравах посетителей столовой № 1 поселка Никель, Мурманской области, возникают при чтении вывешенных здесь «Правил для посетителей».

Посетители, оказывается, частенько путают столовую то с вокзалом, то с камерой хранения, то с ветлечебницей. Для таких грозным предупреждением служат пункты «Д» и «Г» данных «Правил»:

НЕ ВНОСИТЬ ГРОМОЗДКИХ ВЕЩЕЙ И ПРЕДМЕТОВ (МЕШКОВ, ЯЩИКОВ, ЧЕМОДАНОВ и т. п.). НЕ ВВОДИТЬ В ЗАЛ СОБАК И ДРУГИХ ЖИВОТНЫХ.

Наибольшую опасность представляют пообедавшие посетители. Они ведут себя хуже гуннов. Для острастки их сочинены следующие предупреждения:

е) НЕ КУРИТЬ, НЕ СОРИТЬ, НЕ РАЗБРАСЫВАТЬ ОСТАТКОВ ПИЩИ И НЕ ПРОЛИВАТЬ ЖИДКУЮ ПИЩУ;

з) БЕРЕЖНО ОТНОСИТЬСЯ К МЕБЕЛИ, ПОСУДЕ, КЛЕЕНКАМ, СКАТЕРТЯМ, ПРИБОРАМ И ПРОЧЕМУ ИНВЕНТАРЮ ПРЕДПРИЯТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ;

и) НЕ ШУМЕТЬ И ВООБЩЕ НЕ БЕСПОКОИТЬ ДРУГИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ И НЕ ОТВЛЕКАТЬ ИХ ОТ ЕДЫ.

Нанять людей для охраны этих «Правил» от посетителей директору столовой не позволяет только штатное расписание.

А. ЧИКАРЬКОВ

НЕТ, НЕ В КОСМОСЕ...

В Севастополе есть автотаксомоторный парк, где вы, если вышли из детского возраста, можете без всякого бюрократизма и волокиты купить себе месячный проездной билет. А если не вышли? Если розовое детство еще не осталось позади? Тогда вам будет трудно. Вернее, не вам, а вашим родителям...

Перед кассой стоит гражданин. Давно стоит. Вместе с десятилетним сыном. Он пытается что-то доказать кассиру. Тщетные попытки! Кассир неумолим:

— Что вы мне паспорт суете? Нам паспорт ни к чему. В папку его не положишь, к делу не подошьешь.

— К какому делу? Что у вас, уголовный розыск?..

— Попрошу не выражаться. Я вам десятый раз русским языком говорю: без справки о том, что ваше дите является школьником, проездной билет продать не могу.

— Да какой же десятилетний ребенок не учится в школе?! У нас ведь обязательное восьмилетнее образование! Без всякой справки ясно!

— Справочка должна быть по всей форме, — скучным голосом продолжает кассир. — На бланке, за двумя подписями и с круглой печатью. И чтоб на ней была резолюция диспетчера по пассажирским перевозкам или, на худой конец, начальника эксплуатации.

— Ведь мне же на это целый день потратить придется!

— Возможно, — соглашается кассир. — Всех сразу на месте не застанешь. Но что поделаешь — таково указание свыше. — И он торжественно поднимает вверх указательный палец.

Проследив за направлением пальца, мальчишка восторженно вскрикивает:

— Из космоса?!

— Нет, — говорит отец, — там бюрократов пока что не обнаружено. Их где-то здесь поближе искать надо. Среди областного автотаксоначальства.

И он прав.

В. МУКОВНИН

г. Севастополь.

Муж, жена и инструкция

Иван Кузьмич, как все мужчины,
Считал, что кухня — это рай,
И он жене на именины
Купил стиральную машину:
Сиди на кухне и стирай!
«Ну, — думал он, — теперь
жену я
Навеки превратил в рабу!»
Увы, не знал он, что иную
Ему готовили судьбу:
Была инструкцией огромной
Машина эта снабжена,
И при своих познаниях
скромных,

По преимуществу надомных,
Не разобралась в ней жена.
Колонки цифр... Разрез
машины...

Короче, сей научный труд
Прочла супруга и решила
Пойти в вечерний институт.
Она прошла законы Ома,
Сдала истмат и сопромат,
Диплом ей дали,

а с дипломом
Жена сидеть не будет дома:
В семье теперь матриархат.
Конец, как в сказке
знаменитой:

Жена на службе... За нее
Муж у разбитого корыта
Стирает вечером белье.

* * *

Нет, мы писали не о женах
(Им уваженье и почет!),
А об инструкциях мудреных,
В которых сломит ногу черт.

В. КОНСТАНТИНОВ,
Б. РАЦЕР

г. Ленинград.

ИХ ДРАГОЦЕННЫЙ ПОДСУДИМЫЙ

КАМБ

Салан: — Еще одна медаль!

Художник газеты «Юманите» Камб вручил мне эти два рисунка.

— Отвези их в Москву, — сказал он и добавил со вздохом: — Хотя читателям «Крокодила», боюсь, будет нелегко разобраться, что у нас тут происходит. Ведь это же форменный бред. Против правительства восстают генералы. Они нанимают дезертиров, устраивают поджоги, убийства, грабежи, взрывы пластиковых бомб. Наконец одного из генералов, Жуо, все же арестовывают и приговаривают к смертной казни. Но не казнят! А тем временем арестовывают Салана — главаря банды. И тот же трибунал, который судил Жуо, обнаруживает, что если Жуо заслуживал смертной казни за то, что исполнял приказы Салана, то Салан, отдававший приказы, этой казни не заслуживает. Но получается уж чересчур глупо: из двух соучастников одного и того же преступления главарь несет менее строгое наказание.

Генералы, из тех, что служат правительству, заявляют трибуналу: «Оасовцы — чудесные люди!» Председатель трибунала и прокурор не протестуют. Очевидно, они воспринимают комплименты в адрес подсудимых как должное. Они выслушивают две сотни свидетелей защиты, воспевающих убийц, а затем трех свидетелей, вызванных для показаний против убийц. Зрелище это столь радует друзей ОАС, переполнивших зал суда, что они устраивают овацию. Похоже, что убийство женщин и детей — высшая доблесть в глазах буржуа.

Правосудие предоставляет трибуну коллективу убийц. Полицейские приветствуют воров. Судьи обращаются к преступникам с изысканной вежливостью. Одни генералы приветствуют других за взрывы жилищ, убийства детей.

В детстве мы играли в «полицейских и воров». Команда «полицейских» старалась поймать «воров». Команда «воров» старалась ускользнуть. Теперь же полицейские и воры так перемешались и даже больше того: полицейские так усердно лебезят перед проказниками-убийцами, что невозможно разобраться, кто выиграл, а кто проиграл. Одно только ясно: все плутуют!

— Милый мой Камб, — ответил я ему, — правда заключается в том, что хотя игра в полицейских и воров продолжается, но только полицейских-то больше нет. А есть лишь одна банда врагов закона. Та банда, которая 13 мая 1958 года свергла республику. В этой банде оказались вместе и обвиняемые, и адвокаты, и судьи, и прокурор, и министры. Тебе стоит только взглянуть на фотографии того времени: Фрэ, министр, которому поручено подавить ОАС, стоит рядом с Жуо. Все вместе они набросили намордник на демократию. Все вместе или по очереди они клеветают на Со-

ветский Союз. Рядовые эсэсовцы из Западной Германии, вступившие в Иностранский легион, помогают оасовским головорезам попытаться мусульман в Алжире. А в Европе эсэсовские генералы столь же трогательно сотрудничают с французскими генералами, своими союзниками по НАТО.

Конечно, между ОАС и официальным Парижем существуют противоречия. Но если бы я относился слишком серьезно к противоречиям среди буржуазии, я не годился бы в корреспонденты «Крокодила».

Тот факт, что Салан бросал бомбы, а премьер Помпиду — нет, еще не значит, что Салан — смертельный враг Помпиду. Того самого Помпиду, который, сколачивая правительство, пригласил кандидатов в министры взглянуть на полчаса в кабинет генерального директора банка Ротшильда. В тот самый кабинет, где Помпиду служит господам Ротшильдам. Нет, смертельные враги господина премьера Помпиду не Салан, а металлурги, железнодорожники, рабочие.

И настоящий враг Салана не де Голль, который его награждал, осыпал почестями, званиями, лаврами. Линия водораздела во французской политике проходит не между ОАС и

правительством. Она проходит между народом и его властителями.

Вот почему этим судебным процессам скорее место на сцене кукольного театра Образцова, чем во Дворце правосудия. Истина заключается в том, что буржуазия всегда проявляла и проявляет осторожность, прежде чем пролить кровь «своих».

После освобождения Франции казнили нескольких писателей, одного политика и одного репортера. Генералов, отдававших приказ открыть огонь по французским солдатам, не расстреляли. Среди них был Жюэн. Вместо виселицы он получил маршальский жезл. Даже самого Петэна, залитого кровью наших мучеников, де Голль не позволил расстрелять. Генералов не расстреливают. Мораль военных трибуналов находит оправдание для тех, кто командует тысячами убийц.

Де Голль сам избрал судей, которые не вынесли достойного приговора Салану. Но выбрал-то он их не среди профсоюзных активистов! Он взял судей среди крупных буржуа, они служат ему, он — им. Естественно, они не отдали приказа казнить своего собрата, с которым частенько обедали в одной компании и перебрасывались милыми шутками в гостиной. ОАС может убивать: кровь стоит дешево, тем более если это кровь алжирцев. Буржуазия не накажет ОАС. Она не хочет, чтобы кровавый ров отделил ее от собственного фашистского крыла, ее вчерашнего и будущего союзника.

Салан может спать спокойно. Их Салан. Не беспокойся, Камб, читатели «Крокодила» поймут твои рисунки. И если бы они не поняли моей статьи, мне осталось бы только посоветовать им сходить посмотреть мольеровского «Скупого». И особенно ту знаменитую сцену, где Гарпагон, у которого украли шкатулку с деньгами, клянется, что разбойник будет наказан, отдан во власть правосудия: «Воры! Убийцы! Суд правый! Силы небесные! Я погиб... Где он?.. Куда спрятался? Как мне найти его? Куда бежать?» Разве не похоже это на деголлевскую полицию, преследующую преступников из ОАС? «Не здесь ли он? Не там ли он? — продолжает Скупой. — Кто это? Стой! Отдавай мои деньги, мошенник!» Но тут Гарпагон замечает, что сам себя поймал за руку. Тогда он режюмирует под смех зрителей: «Ах, так это я!»

Военный трибунал мог бы воскликнуть то же самое.

Андре ВЮРМСЕР
Перевод с французского.

Ножное искусство

В Гринич-виллидж — районе, где живет нью-йоркская богема, — родилось новое искусство. Искусство синтетическое, совмещающее в себе театр, скульптуру и живопись.

Вот один из номеров, свидетелем которого был корреспондент английской газеты «Дейли миррор» Стэн Мэйс. В небольшую комнатку набивается масса людей. Все они битники. Мужчины с грязными бородами и в грязных свитерах. У женщин щеки выкрашены серебряной краской, а глаза подведены красной.

Все благоговейно молчат. Внезапно со шкафа свешивается женская нога. Публика смотрит на ногу. Это и есть новое искусство. Корреспонденту так и не удалось выяснить, в чем смысл обозрения ноги. Но тем не менее присутствующие уверяли его, будто с ними «что-то происходит».

НА ШУТЛИВОЙ ВОЛНЕ

Из иностранного юмора

ПРАВИЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Крупный американский адвокат собирается диктовать машинистке письмо к другому адвокату.
— Как начать письмо? — спрашивает машинистка. — «Уважаемый сэр?»
— Уважаемый? Да он плут и мошенник! Нет-нет, напишите просто: «Дорогой коллега!»

САМЫЙ ПРОСТОЙ СПОСОБ

В связи с распространившимися слухами, будто анонимным покупателем картины Пикассо «Смерть Арлекина» на последнем аукционе в Ницце был сам Пикассо, художник заявил: «Я никогда не покупаю своих картин. Когда мне нужна картина, я ее просто рисую».

ПОПУЛЯРНОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

— Что такое опера? — спросил отца маленький Джонни.
— Опера, — ответил папа, — это когда один человек втыкает другому кинжал в грудь и тот вместо того, чтобы истекать кровью, начинает громко и долго петь.

МЕЧТА

Репортер одной из английских газет спросил Дэвида Макмиллана, четырехлетнего внука британского премьера, кем он хочет быть, когда станет взрослым.
— Немцем, — без колебания ответил внучек, наслушавшийся лестных отзывов своего деда о канцлере Аденауэре.

И ТО И ДРУГОЕ

Два приятеля встречаются после долгой разлуки:
— Как живешь, дружище? Женился или по-прежнему сам готовишь себе обед?
— И то и другое.

ОШИБКА

— Почему вы заявляете о краже с таким опозданием? Ведь вы говорите, что воры перевернули все в доме вверх дном?
— Да, но сначала я решила, что это мой муж искал чистую рубашку.

Стадион «Олимпия» в Западном Берлине используется как служебное помещение для английской разведки.
(Из газет).

ОЛИМПИЙСКИЕ «ИГРЫ»

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

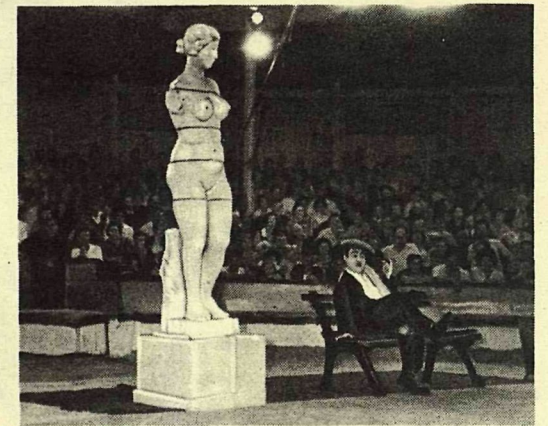
Дорогой коллега Крокодил!

Не удивляйся, я решил потолковать с тобой на античные темы. В жизни циркового артиста случаются разные трудности, часто самого неожиданного свойства.

Так вот, дорогой собрат по жанру, представляется мне, что древние эскулапы, включая и великого Гиппократ, не общались с олимпийскими богами на предмет врачевания их божественных недугов. Кажется, Зевс не сдавал анализы, Посейдону не ставили банки, Геру не таскали к стоматологам и даже неистового Арефа не успокаивали бромом. Оно и понятно: боги были недосыгаемы для всего земного, в том числе и для здравоохранения.

Однако со временем потусторонних олимпийцев приблизили к жизни, и теперь мы обращаемся с ними более или менее по-свойски.

Об этом, между прочим, свидетельствует и снимок, на котором запечатлен эпизод из моего номера «Случай в парке». Номер сводится к тому, что я, посетитель парка, случайно задеваю деревянную статую Венеры Милосской, она падает и рассыпается, я ее собираю, но по ходу дела путаю отдельные части... В общем, здесь немало комических ситуаций.

Недавно мы гастролировали в Батуми. Как тебе, наверное, известно, во время представления в цирке обычно дежурит врач, чтобы оказывать первую помощь артистам или зрителям (говорят, что бывают, например, колики от чрезмерного хохота). Так вот, наши артисты решили проверить, насколько местный преемник Гиппократ посвящен в тонкости античной мифологии. Они шутя сказали доктору В. Азнауряну, дежурившему в цирке:

— Ах, какая, знаете ли, досада! Венера Милосская сегодня выступить не сможет по состоянию здоровья...

— А что с ней? — насторожился доктор.
— Да как вам сказать... Ей бы уж пора в декретный отпуск...

— Вполне уважительная причина! — воскликнул доктор. — Пусть она пока сидит в гостинице, а завтра обязательно придет ко мне. А пока что я выдам ей соответствующую справку.

И выдал. На официальном бланке. С печатью.

«СПРАВКА
Дана сотруднице цирка Милотской В. в том, что она по состоянию здоровья освобождена от работы с 17.IV по 18.IV—62 г.
Врач цирка В. Азнаурян».

За кулисами у нас в тот вечер не прекратился гомерический хохот.

Мы уехали из Батуми и теперь гастролируем в Сочи. Но, возможно, доктор Азнаурян все еще ждет и надеется, что Венера Милосская пожалует к нему на прием...

Вот, собственно, и все, о чем я хотел тебе поведать, дорогой Крокодил. Я понимаю, конечно, что актеры цирка, «разыгравшие» врача, поступили довольно зло. Но и ему, последователю Гиппократ, полагалось бы знать, кто такая Венера Милосская...

С комическим приветом
твой КАРАНДАШ.

Один рекорд одного района.

Рисунок И. СЫЧЕВА

АКСИНЬЯ У ВРАЧА

Дел по горло у Аксиньи,
Ей работать не с руки.
У Аксиньи
Дома свиньи,
Куры,
Гуси,
Индюки.
Вся в работе истомилась.
За минувший год у ней,
Так сказать, поднакопилось...
Восемнадцать трудодней.
Что в такой работе толку?
Люди трудятся чуть свет,
Люди вышли на прополку,
А Аксиньи нет как нет.
Муженька ее спросили,
Митрофана Кузьмича:
— Где Аксинья?
— Нет Аксиньи.
— Что с Аксиньей?
— У врача...
Началась пора уборки.
До чего щедра земля!
Вся артель пришла на зорьке
На колхозные поля.
И взялись за дело вместе
Люди дружного села.
Огляделись —

Все на месте,
А Аксинья не пришла.
Бригадир Зубцов Василий
Чертыхнулся сгоряча:
— Где Аксинья?
— Нет Аксиньи.
— Что с Аксиньей?
— У врача...
Перед севом вся бригада
Сортирует семена.
А Аксинья,
Ей не надо?
Нет ее,
Видать, больна.
Бригадир Зубцов Василий
Вопрошает, в дверь стуча:
— Где Аксинья?
— Нет Аксиньи.
— Что с Аксиньей?
— У врача.
— Не лукавит?
— Не лукавит!
Ей врача не миновать:
Он клеймо на мясе ставит,
Разрешая торговать...

г. Куйбышев.

С. ЭЙДЛИН.

ДУШАТ СЛЕЗЫ, НЕТ СЛОВ!

Еще о проработке классиков

(Образец радиокomentarия)

Хотя либретто «Риголетто» Вплоть до отдельных слов и фраз Известно каждому, но это Не останавливает нас. В сюжете есть достоинств масса, Однако помнить мы должны: В нем тема правящего класса Дана без должной глубины. В нем герцог вместо осужденья Неверных девушек и жен Проблему сводит к утверждению, Что «изменяет первым он» (!). «Проклятье старца» прозвучало Как осуждающее зло, Но прогрессивного начала Оно в сюжет недовнесло, И лишь в оркестре тема гнетта, Слегка похожая на стон, Проходит в партии фагота, Звучит в корнете-а-пистон. Но класс, идущий к верной смерти, И дней грядущих торжество Не стали главной темой Верди При всех способностях его. А мы в сиятельных особах Пороки выявим сполна, Хотя сцена будет без особых Предупреждений включена, И пусть либретто «Риголетто» Вплоть до отдельных слов и фраз Известно каждому, но это Отнюдь не сдерживает нас!

Юрий БЛАГОВ

Все умею, все умею...

Я корявый? Ну и что ж!
Надо — вырежу из кожи,
Из своей дубленой кожи
Заготовку для подошв.
Не такой уж я нахальный!..
Надо — лягу наковальной,
Надо — врежусь топором!
Я не хилый и не хлипкий!..
Понимаю трепет скрипки...
Зеленею к Первомаю,
Зеленею к Октябрю.
Выгнусь в радугу-дугу...
Все умею, все могу!

Р. ХАКИМОВ

Я корявый! Я нахальный!
Этим именно хорош.
«Скоророходу» специально
Даю кожу для подошв.
Если выпью я «столичной»,
Выгнусь в радугу-дугу...
Я не хлипкий, не тепличный,
Зеленеть-желтеть могу.
Понимаю я балеты,
Я такой... А между тем,
Надо — сделаюсь котлетой
И себя с гарниром съем.
Надо — сделаюсь конфетой,
Карамелькой, леденцом,
Папиросой, сигаретой,
Диетическим яйцом.
А в минуту вдохновенья
Наковальню проглочу...
На себя с большим умением
Я пародии строчу!

Е. ГЛЕБОВ

Иногда в жизни случаются ужасно нелепые, но чрезвычайно поучительные истории. Поскольку они нелепы, они никому не нужны. Но поскольку они поучительны, они нужны драматургам, которые пишут остроназидательные пьесы.

Раскрой, читатель, шестой номер «Невы» и ознакомься с одноактной пьесой Валентины Левидовой «Много лет спустя». История, изложенная в ней, нас взволновала. О ней хочется говорить полным голосом. И не переводя дыхания.

Но мы опасаемся, что 130 тысяч тиража «Невы» не хватит для всех, кто захочет последовать нашему совету. А посему добавляем к тиражу «Невы» и наш, крокодилский, с кратким, так сказать, изложением случившегося.

Представьте себе студента-медика Игоря, приехавшего на практику в больницу города Далекого. И представьте себе Римму, молодого главврача этой больницы.

Игорь — «высокий, красивый... Девчонки ему на шею вешаются, а он хоть бы что! Никакой реакции». Римма — «снежная королева». Все мальчишки в институте «сохли» по ней, а она «только наукой интересовалась».

Но вот они повстречались, и началась реакция. Продолжалась она недолго. Игорь уехал доучиваться и через два года должен с дипломом врача вернуться к своей любимой.

Срок прошел, и он... не вернулся. Подвсел. И все почему? Зашел случайно в гости к приятелю Васе, а Вася был в командировке. Вера, жена Васи, оставила Игоря поужинать.

Мгновенно выяснилось, что Вера Васю не любит и их жизнь так себе — «разновидность счастья». А настоящее счастье будет с Игорем. И вообще она давно влюблена в Игоря, чего последний не подозревал.

Вера действует быстро и решительно. Она «подбегает к Игорю, обнимает и целует его». Но в эту напряженную, полную накала страсти минуту входит незамеченный Василий (у него был свой ключ).

То, что произошло дальше, невозможно пересказать: душают слезы, нет слов! Обратимся к пьесе.

Итак:
«Входит Василий. Ни Вера, ни Игорь не замечают его.

ВЕДУЩИЙ (увидев Василия). Ой, что же теперь будет? (В смятении отступает.) Я думал, что только в романах мужа приезжают домой в самую неподходящую минуту, а оказывается, это бывает и в жизни. (Показывает на Василия.)

ИГОРЬ (освобождаясь от Верных объятий). Я не имею права перед Василием...

ВЕРА (перебивая). Я все сама скажу ему. (Обернувшись, видит мужа.) Вася!.. Ты приехал!

ВАСИЛИЙ. Да, я приехал.

ИГОРЬ. Василий!..

ВАСИЛИЙ. Вот что... (Игорю, тихо, но выразительно.) Твоей ноги больше не будет в моем доме.

ВЕРА. Игорь ни в чем не виноват перед тобой... ВАСИЛИЙ. А тебе я даю слово... Никогда не напомним... никогда не упрекну...»

Но Вера выдворяет кроткого и великодушного Васю, а Игоря, который попал как кур во щи, оставляет при себе. И Игорь повинуется судьбе. Игорь, который всего несколько минут назад говорил, что он рвется в Далекый к невесте, что жаждет «самостоятельной работы».

Игорь и Вера живут в Ленинграде. Серенько и «нескладно». Игорь страдает, что у него не та работа, а кроме того, и Римму разлюбить не может. А Вера терзается, что разбила жизнь мужа, «да и свою — привычную, сложившуюся». Ее «мучают головные боли» и «повышенное давление»: полтора года на девятностопятилетии. «В моральном смысле Вера тоже ничего хорошего не представляет: она верит в гомеопатов. Уже одно это ярко свидетельствует, сколь отрицательный она тип. Вера лечится у гомеопатов «потихоньку от Игоря». Не дай бог, он узнает! Он же аллопат.

Но эта остродраматическая коллизия, к сожалению, не находит в пьесе дальнейшего развития. А жаль! Сколько возможностей утеряно! Допустим, так: Игорь вступает в бой с гомеопатами. Они бегут, отстреливаясь пилюльками. Жена рыдает, глотая в отчаянии пирамидон, норсульфазол и ревень.

...Прошло много лет, как говорится в «одноактной пьесе». И что же мы видим? Римма преуспела, став

«одним из крупнейших в мире специалистов по бескровной хирургии». На «всемирном съезде хирургов» каждое ее «слово тут же переводила на иностранные языки электронная машина...»

Семейная жизнь тоже устроена. Римма вышла замуж за Герасимова, своего бывшего пациента, а ныне «хозяина города» (видимо, предгорисполкома). Поскольку жена у Герасимова — врач, то он «к нуждам медицины относится более внимательно, чем к другим отраслям науки». Вдумчивый мэр, рассудительный! И семьянин к тому же примерный: удочерил Олю, дочку Риммы от Игоря, о существовании которой Игорю ничего не известно.

Герасимов и Оля ждут маму Римму со «всемирного съезда», все самолеты прибыли, а ее нет и нет. «Значит, мама... прилетит завтра», — говорит Оля.

Детская наивность! Мама Римма в это время сидит на аэровокзале Далекого и беседует с... Игорем. Игорю вдруг захотелось «посмотреть на этот город», «воскресить свою молодость».

Он, конечно, неутешно жалуется и беспощадно себя бичует: жизнь прошла, а он, мелкий неудачник, ничего путного не сделал. И зачем тогда он остался в Ленинграде! Вот тебе и поужинал!

Но здесь зрителя ожидает новый сюрприз (о щедрости автора!): «Многого из того, что вы видели, в действительности не было»...

Оказывается, когда Игорь ужинал с Верой, он благородно и благообразно заявил, что любит только Римму. При такой ситуации Вере незачем было соблазнять его: безнадежно. А Вася, войдя в комнату, увидел, что семейные устои не качаются.

Финал «одноактной пьесы» — радостный, мажорный: молодой Игорь приезжает к Римме в город Далекый.

А все остальное произошло только в фантазии автора. Валентина Левидова заглянула, так сказать, в будущее, желая показать, что, по ее мнению, ожидало бы Игоря, поддайся он соблазну Веры.

Вот, мол, какие страсти-мордасти подстергали бы тебя, говорит автор герою и делает пальцами «козу»: «Бу, бу-бу, бу!» Гляди у меня! Не обижай Васю, будь бдителен и непреклонен с Верой, люби Римму, не живи в Ленинграде, там бязи, читай одноактные пьесы и будешь законченным положительным героем.

Весьма похвально, когда писатель задается благородной целью поговорить со своей аудиторией о долге молодого человека, о любви и верности. Но, скажем прямо, скверно: а) если беседа ведется в примитивно-назидательном тоне без доверия к интеллекту читателя (зрителя); б) если поступки героев произведения не соотносятся со здравой логикой, да и герои сами, в общем, не герои, а куклы, потому что все в них прямолинейно и одноклеточно просто; в) если пародию на пьесу выдают за саму пьесу. В таких случаях можно скомпromетировать пусть даже самые лучшие, добрые мысли.

На кого рассчитана «одноактная пьеса» Валентины Левидовой? В журнале написано: «для самостоятельности». Значит, профессиональные театры ее ставить не будут. Очень хорошо! А самостоятельность зачем обижать? И ее зрителя тоже. Ведь он такой же, как и везде, — не второго сорта.

Борис ЕГОРОВ

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.

— Они уже забыли, что загорают тут по твоим командировкам.

Рисунок С. КУЗЬМИНА

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ БЫТЬ ЗДОРОВ...

Конечно, привычка — вторая натура.

Глава многодетной семьи, получив очередное пособие, не спешит приложиться к ручке министра социального обеспечения. Студенту, расписавшемуся в ведомости на получение стипендии, не приходит в голову бежать рысцой к директору института с трепетными благодарственными словами, рвущимися из груди. Иначе говоря, мы привыкли к нашим социальным благам прочно и окончательно, как к чему-то само собою разумеющемуся. И это естественно.

Однако злоупотреблять вредно не только скверным, но и прекрасным. Например, социальное благо только в том случае благо, если оно используется во благо.

Хотелось бы в этом плане приковать внимание взыскательного читателя к некоторым гражданам, принимающим безвозмездные общенародные щедроты чересчур, я бы сказал, бездумно.

«Время от времени им надо выбирать «на воды».

Надо — пожалуйста. Врачи исправно выведут заковыристые латинские термины, местком даст льготную соцстраховскую путевку, друзья и сослуживцы сердечно проводят отпускника до вагона — и кати себе к божественным нарзанам.

Все они едут с серьезными намерениями. Размышляют о времени, о себе и о своих злощастных хворях. В предвкушении искрометных кавказских источников попивают чай с сухариками.

Но некоторые, едва закинув чемодан на полку, начинают чувствительно шевелить ноздрей — ориентируются на ресторанные ароматы.

Унюхав источник дразнящих запахов, они кидаются по коридорам и тамбурам в направлении к элзачному вагону, опрокидывая по пути зазевавшихся проводников.

Через час-другой они, хватаясь за стоп-краны, возвращаются в свой купе и, не раздеваясь, валяются на постели. И тогда в сонное посапывание соседней влетает могуче-раздольное:

— ...ооожил я, вооолю почуууа...

Он, видите ли, ожил. Он уже забыл про свой гастрит, или колит, или катар («Только диета — и ни-ни!»). Он вот именно волю почуял.

Монтажник Владимир Никитович Евдокимов вот так же ехал в Железноводск по льготной путевке, выданной завкомом Ашинского металлургического комбината, что в Челябинской области. Но доехал он до благословенной станции назначения совсем не вдруг. Выкушав на станции Бештау потрясающую дозу горячительного напитка, Владимир Никитович провел несколько блаженных часов на отнюдь не санаторной койке местного вытрезвителя.

Машинисту электромонтажного поезда Николаю Георгиевичу Куклину тоже не удалось обойтись без пересадок. Следовал он в Кисловодск, но доследовал только до Пятигорска. Точнее, до Привокзальной площади, где и был замечен работниками милиции в совершенно непотребном виде.

Доставили Николая Георгиевича в вытрезвитель. Привели в чувство. Вернули в вертикальное положение. Взяли с него слово, что он до санатория все-таки доедет.

Николай Георгиевич полпелся к автовокзалу. Но автобус уходил в Кисловодск не в ближайшие пять минут, а несколько позднее. Обидевшись на график движения, Ку克林 вновь присосался к бутылке. В итоге через три часа после первого визита в вытрезвитель он был доставлен дружинниками туда же.

Иным, впрочем, удастся прибыть на воды и без таких приключений. Зато они наверстывают упущенное на месте.

Алексей Макарович Олонцев, инженер по сплаву из Архангельской области, приехал в Пятигорск подлечиться тоже по льготной путевке. И прописал сам себе тоже сорокаградусное «внутреннее».

Как-то после очередной такой процедуры Алексею Макаровичу пришла в голову идея прокатиться по городу в автобусе. Он вполз в автобус и тотчас установил, что пассажиров в нем слишком много. Пассажирам же, напротив, почему-то показалось, что для них слишком много и одного Алексея Макаровича. Конфликт разрешил находчивый водитель автобуса. Он отклонился от маршрута, чтобы любезно доставить инженера по сплаву прямиком в вытрезвитель.

Не менее презрительным образом начали на свои путевки Иван Романович Фененков, помощник бригадира Макеевского трубного завода, и Иван Михайлович Барсуков, раймовщик Беловского цинкового завода. Они так пристрастились «давить на двоих», что успели посетить пятигорский вытрезвитель по два раза...

В подобных случаях говорят: перечень, конечно, можно бы продолжить, да стоит ли?

Не стоит. Не наша задача производить перепись пленников кисловодского, железнородского и других вытрезвителей. Цель наша куда скромнее. Мы хотим всего лишь получить ответ на вопрос: здраво ли осыпать льготами тех неистовых членов профсоюза, которые норовят использовать драгоценные целительные путевки не по прямому, а вовсе по обратному их назначению?

Ответили на этот вопрос председатели месткомов и руководители предприятий, где работают упомянутые труженики, недавно вернувшись из экзотических вытрезвителей к родным пенатам. Но ответили как-то не очень по существу.

— А-а... — говорили они со слабым удивлением. — Это вы о том самом... Ну, мы его уже обсуждали. Дал слово в следующий раз воздерживаться и не допускать. Раньше-то? Раньше тоже, конечно, такое с ним бывало. В общем, учтем на будущее...

Учень, разумеется, не мешает. И, быть может, не только профсоюзному костяку Ашинского комбината или Макеевского завода.

Нет, никто не требует от курортника, получившего льготную путевку, нижайшего коленапреклонения перед щедрым и сострадательным соцстрахом. Дело не в горячих клятвах, не в прочувствованных благодарностях и не в пламенных лозунгах. Дело попросту сводится к тому, что наилучшей платой за такую путевку является честное и заботливое восстановление собственного здоровья. Кажется, цена не так уж высока...

А, в общем, приятно, что все мы привыкли к социальным благам. Досадно лишь то, что некоторые из нас ими злоупотребляют.

А. ВИХРЕВ

А выводы?

Дискуссия была в разгаре. Обсуждался настольный календарь, сконструированный специально для сотрудников Министерства торговли РСФСР. В стороне от трибуны дюжий вахтер держал в качестве экспоната один из экземпляров календаря размером в противень для пирогов. Ноги у вахтера подрагивали.

— Товарищи! Речь идет об экономии дефицитной мелованной бумаги, — обратился к присутствующим начальник АХО тов. Флиорент. — В данном году мы имеем реальную возможность облегчить наш календарь минимум на полкило!

— А что мы имели в прошлом году? — перебил его голос с места.

— В прошлом году, как и в позапрошлом, календарь весил три килограмма триста граммов. Но есть мнение, что вес календаря можно безболезненно сократить за счет воскресных и праздничных дней.

— А субботы? — подал реплику все тот же голос с места. — Сокращенный субботний день вы учитываете?

— Позвольте, товарищи! — вмешался еще один из присутствующих. — Экономия мелованной бумаги — это только одна сторона дела. А с другой стороны, что же это за календарь без воскресений и, простите, без суббот?

Но увидеть календарь с другой стороны присутствующим не довелось: ноги у изнемогающего под тяжестью вахтера подкосились, и все триста шестьдесят пять листов календаря-тяжеловеса рассыпались по паркету. Дискуссия зашла в тупик.

В этом месте читатель, вероятно, скептически усмехнется и скажет: «Ага, теперь автор признается, что ничего этого не было, что все это только сатирический прием; а было, мол, нечто другое, нечто, по сути, похожее... и перейдет к выводам».

Нет, дорогой читатель, все было. И календарь весом в три с лишним кило существует, и предложения облегчить его были. Все было!

Ну, а что касается выводов, то их, к сожалению, пока что действительно не было!

Расширил ассортимент.

Рисунок Э. ВАЛЬТЕРА
из эстонского журнала «Пиккер»

— Внимание!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Фотоэтюдик

Все было для очередного номера газеты: передовая, очерки, корреспонденции и даже программа телевидения.

Еще было пять фотографий, вполне газетных, деловых. Все это хорошо, решили в редакции, но читатель ждет от нас лирики, поэзии. Срочно нужен фотоэтюдик!

Вот тут-то и появился А. Горячев. Он заговорщически прошептал:

— Есть оригинальная композиция. Натура за душу берет, от умиления плакать хочется! В редакции умилились и фотоэтюдики напечатали.

В связи с фотоэтюдом возникает вопрос: не заикаются ли детишки от пережитого страха? И еще вопросик товарищам из «Горьковской правды», поместившим творение А. Горячева: не лучше ли вам попросить в облисполкоме тесу, взять молотки да и починить мост? Кстати, не забудьте прихватить с собой А. Горячева, только без фотоаппарата: с молотком-то здесь сподручнее.

Ю. М.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?

«Знаешь ли ты выдающихся химиков нашей Родины? Подумай и ответь». Это просветительское заглавие раздается со 114-й страницы книжки В. Левашова «Занимательная химия». Издана она в 1962 году Учпедгизом под редакцией Г. Гемборек.

Заглянул в книжку читатель Крокодила москвич В. А. Токмаков и рассердился. Правильно, конечно, рассердился.

Вместо портрета химика Н. Н. Бекетова помещен портрет ботаника А. Н. Бекетова, а химик

С. В. Лебедев представлен портретом физика П. Н. Лебедева.

Ботаник А. Н. Бекетов и физик П. Н. Лебедев — выдающиеся ученые. Никто эту истину оспаривать не собирается. Их портреты уместны были бы в книжках о ботанике или физике. Но при чем здесь химия?

В заключение позволим задать т.т. В. Левашову и Г. Гемборек бестактный вопрос: «Знаете ли вы выдающихся химиков нашей Родины?»

Подумайте и ответьте.

Что нового в сатирическом цехе

СЕМЬ КОМЕДИЙ С МИХАЛКОВА — «Эцитоны бурчелли», «Раки и Крокодил», «Памятник себе», «Дикари», «В одном купе», «Чужая роль», «Сомbrero» — встретились в сборнике, изданном «Советским писателем». А на обложке сборника так и сказано: «Семь комедий».

«МАЛЕНЬКИЕ КОМЕДИИ» Ц. СОЛОДАЯ вышли в издательстве «Искусство».

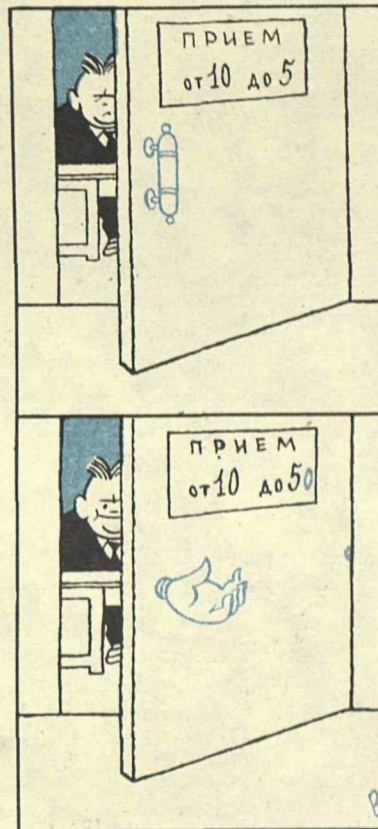
«СТАВКУ НА ЗАЙЦА» сделали в очередной книжке Библиотеки Крокодила Н. ВОРОБЬЕВ и В. ЖУРАВСКИЙ.

«СЕМЬ ЩЕПОТОК ПЕРЦА» — сборник фельетонов, пародий и

эпиграмм украинского сатирика Ю. КРУГЛЯКА выпущен «Радянським письменником».

«ЛИШНЮЮ ДАМУ» обнаружил в городе Кирове М. АРДАШЕВ. И тут же при помощи местного книжного издательства представил ее читателям.

«ТБИЛИССКУЮ НОЧЬ» описал во всей красе А. КИНЦУРЕИШВИЛИ. За справками в Библиотеку грузинского сатирического журнала «Нианги». «УЛЫБКА И ГНЕВ» — так назвал свой альбом плакатов, карикатур, дружеских шаржей армянский художник С. АРУТЧЬЯН. Альбом выпущен Армгосиздатом.

Сменил ручку.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Не разглядел

— Скажи, коллега, кто создатель Сего бездарного проекта?
— Начальник стройки... Ваш приятель...
— Кто? Яков Львович Полуэктов?
А ну-ка, дай взгляну я снова... Проект, мне кажется, толковый!

Перековался

— Случилось что-то, знать, с Петром?
Сегодня мне он подал ручку...
— Ему вчера на партбюро За чванство дали нахлобучку.

Н. МАРКОВ

Московская область.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

А 00122. Изд. № 1075. Подписано к печати 29/VI 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. Тираж 1 650 000 экз. Заказ № 1899. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

25834

ВСЕСОЮЗНАЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
12 ИЮЛ 1962
КОНТРОЛЬ

Хитра лиса, да хвост выдает.

Рисунок Бориса ЛЕО

